

Светлана
Михайловна
БЕЛЯКОВА

Мария
Андреевна
САФЬЯНОВА

САКРАЛЬНЫЙ ПРЕДМЕТ В НАРОДНОЙ КУЛЬТУРЕ: ВЕЩЬ И СЛОВО. СТАТЬЯ 1. ЛОЖКА

В статье на большом материале, извлеченном из словарей и записей диалектной речи, рассматривается известный в русской культуре бытовой и в то же время сакральный предмет — ложка. Комплекс народных представлений о данном артефакте обнаруживает как общие, так и специфические черты, существующая в различных сферах: ритуально-обрядовой, паремнологической и собственно языковой.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:

сакральный предмет, ложка, русская традиционная культура, обряд, паремия, диалектная речь, функция.

*В деревне Бог живет не по углам,
как думают насмешники, а всюду.*

И. Бродский

Отношения человека традиционной культуры с миром вещей — большая и сложная тема, имеющая выход как на этнографию и фольклор, так и на языковую (диалектный) уровень. Среди многообразия артефактов, во взаимодействие с которыми постоянно вступает языковая личность, особую группу составляют так называемые сакральные предметы, т. е. предметы, выполняющие двойную функцию: бытовую и ритуальную — и тем самым приобретающие семиотический статус. Так, А. Л. Топорков отмечает свойство ритуального предмета обращаться одной стороной к «своему» миру, а другой — к «чужому» (человеку, природе и т. д.), он называет это свойство «семантической двунаправленностью» [Топорков 1989: 95].

Сакральность органически присуща народной культуре, как, впрочем, и другим типам культуры. Н. И. Коновалова определяет сакральный объект как «комплекс

Сакральное слово

ментальных представлений о сверхъестественном, не всегда имеющих воплощение в вербальных знаках» [Коновалова 2007: 245].

Сакральные (ритуальные) предметы неоднократно описывались в научной литературе с точки зрения их особого употребления и семантики (см. работы А. К. Байбурина, Т. Б. Банковой, Е. Л. Березович, Н. И. и С. М. Толстых, Н. Л. Чулкиной). При этом в качестве источников обычно привлекались этнографические записи (или — в последнее время — данные этнолингвистических словарей), паремии, фразеология, реже — диалектные тексты. Эти источники, несомненно, являясь вполне авторитетными, рассматриваются авторами как равноправные составляющие, совокупность которых и позволяет воссоздать облик сакрального предмета в русской национальной культуре.

Однако, как нам представляется, при рассмотрении какой-либо вещи, имеющей семиотический статус, весьма вероятно существование некоего «зазора» между тремя ее ипостасями: собственно этнографической, пословичной и языковой (диалектной). Проверку этой гипотезы мы и попытаемся осуществить в данной статье. В качестве конкретного примера будет рассмотрен известный в русской культуре бытовой и в то же время сакральный предмет — ложка.

Обратимся прежде всего к этнографическому компоненту. Суммируя данные словарей и соответствующих описаний, мы получаем следующую картину (или ее наброски), касающуюся особенностей бытового использования и семиотических функций ложки. Как всякий важный в традиционном быту предмет (и особенно предмет посуды), ложка может выступать субститутом, манифестантом человека, своего хозяина. Это объясняется тем, что, как отмечается в словаре «Славянские древности», ложка «была одной из немногих личных вещей крестьянина; ложки помечали, избегали пользоваться чужими». В более общем, гендерном плане ложка, безусловно, связывалась с женским началом, что частично обусловлено формой предмета, а кроме того, грамматическим родом существительного. Об этом свидетельствует, в частности, сохранившаяся до наших дней примета об упавшей ложке как знаке того, что скоро придет женщина, в противоположность упавшему ножу — предвестнику мужчины. Исследователи выделяют жертвенную, обереговую и профетическую (пророческую) функции ложки [Подюков Хоробрых Антипов 2004]. Жертвенная функция реализовалась в ритуалах ломания и бросания ложки (в свадебном и других обрядах). Так, в «Этнолингвистическом словаре свадебной терминологии Прикамья» приводятся следующие факты такого употребления ложки: *Ломали ложки при прощании с невестой перед ее отъездом к жениху. Ср. также: Невеста за столом на девичнике ломала деревянную ложку, прощаясь с девичеством* (с. 251). Это одно из проявлений деструктивного ритуала, характерного для свадебной церемонии (битье, ломание посуды и проч.). Обереговая функция ложки известна со времен Древней Руси, уже тогда в

качестве амулетов использовались миниатюрные ложки, имеющие значение сытости и благосостояния [Седов 1982: 267]. Как проявление обереговой функции можно рассматривать и обычай выкупа ложки на крестинах ребенка. Так, в Орловской губернии повитуха ставила на крестинах на стол горшок с кашей, а рядом клала две ложки, одну для сбора денег роженице, а другую для сбора денег себе. Повитуха подносила гостям по стакану водки; те выпивали, закусывали кашей и клали в обе ложки по копейке [Славянские древности 2004]. Пророческая функция реализовалась в ритуале гадания. По ложкам гадали о предстоящем замужестве на свадьбе (укладывая ложки на край блюда с молоком и наблюдая, чья упадет при плаче невесты и падении ее на столешницу) или в Святки [Подюков Хоро- брых Антипов 2004].

В паремиях основная функция ложки совпадает с ее бытовым применением, что выражается главным образом при помощи глагола *хлеба́ть*: *Не хлеба́ть, так и ложки не держа́ть*; *Снову и ложка красна, а охлеба́ется, под лавкой наваляется*; *Красненькая ложечка охлеба́ется и под лавкой наваляется*. Отсюда и тема принятия пищи в целом (обеда): *Лень лени и за ложку взя́ться, а не лень обеда́ть*; *Дорога ложка к обеду, а там хоть под лавку*; *После обеда порожних ложек много*. Актуальна также ситуация приема гостей (традиции гостеприимства и отношение к званому / незва-

Ю. Юдин. РЕКА ВРЕМЕНИ. 2001

Сакральное слово

ному гостю): *На незваного гостя не припасена и ложка; Первому гостю первое место и красная ложка.*

Образ ложки естественным путем связан с образом едока (*Едоку и ложкой владать; Без ложки и добрый едок станет*).

С ложкой в пословицах может ассоциироваться самое различное содержание: от съедобного (каша, кисель, мед, соль) до несъедобного (деготь, туман) и от положительного (смысл) до отрицательного (горе): *Человека узнаешь, когда с ним пуд соли ложкой расхлебаешь; Бочка меду, ложка дегтю — все испортит; Кашка на ложки, а молодец на ножки; В чужую жену черт ложку меда кладет; Смысл (толк) не солянка: его ложкой не расхлебаешь; Весной хлебнули горя ложкой, а осенью — поварешкой; Туман — хоть ложкой хлебай.*

Ложка воспринимается как конкретный предмет, что отражено в определениях, указывающих на материал изготовления (как правило, это различные породы дерева): *Хоть ложку деревянную, а украсть что-нибудь с постю надо.* Дерево — наиболее характерный для русской народной культуры материал для ложек, но в данной паремии отражена невысокая оценка такой вещи. Ложка, будучи предметом кухонной утвари, сближается в пословицах с другими подобными предметами (посудой, бочкой, ведром и т. п.). Чаще всего это противопоставление (по размеру): *Весной ведро воды — ложка грязи; осенью ложка воды — ведро грязи.* Поскольку ложка оценивается как некое маленькоеместилище, возникает образ жадного, скупого человека: *По два гриба на ложку, а третий к стеблю пристал.*

Для языковой актуализации антонимических отношений используются различные союзы, сочинительный разделительный «ни, ни», например: *Ни ложки, ни плошки в доме.* Актуализация антонимических пар также происходит за счет контекстных отношений внутри пословицы — контекстной антонимии, например: *Ты ему ложки, он тебе плошки* (ты — он, ему — тебе).

Если сопоставляемые предметы оцениваются по-разному (один высоко, другой низко) и это различие играет в сознании носителя традиционной культуры важную роль, то между предметами (подобно соответствующим лексемам) возникают антонимические отношения, например: *пест — ложка* (*Попал в люди, как пест в ложки*).

Чрезвычайно характерно для народной культуры противопоставление процесса приема пищи процессу работы: *Один с сошкой, а семеро с ложкой; На готовое с ложкою; Станем заводить артельщину: работа ваша, харчи ваши, а наше брюхо да ложка; Руки за ложкой не протянешь, так не придет сама; Хочешь большую ложку — возьми большую лопату; Тут, поди молотить! — Брюхо болит. — Тут, поди кисель есть. — А где моя большая ложка?*

Среди важных признаков-оппозиций, характерных для традиционной культуры, в паремиологическом образе ложки актуализируются следующие: свое / чужое (*Ладно со своей ложкой да по чужим обедам; Со своей*

ложкой пришел; Запасливый гость без ложки не ходит); пустое / наполненное (Красна ложечка с похлебочкой; Сухая ложка рот дерет); старое / новое (Новая ложка — с полочки на полочку, а состарится — по подлавою навалывается; Снову и ложка красна, а охлебается, под лавкой навалывается; Красненькая ложечка охлебается и под лавкой навалывается); богатый / бедный (Богатого ложка ковшом, убогого веселком; Нечего хлебать, так дай ложку полизать).

Необходимо заметить, что отношение к старым ложкам у славян было особое. Ложки, например, нельзя было выбрасывать, вместо этого их нужно было сжигать. Ложки не принято было переносить в новый дом, поскольку считалось, что с ними перейдут и старые ссоры. Особо чтилась ложка старшего по роду, деда или прадеда, ее берегли и хранили. Однако в паремиях отражено другое отношение к старому артефакту, скорее, пренебрежительное (навалывается под лавкой).

Диалектные материалы дают свой образ этого предмета, лишь частично совпадающий с уже описанным. Прежде всего, укажем на особенность, отмеченную нами в связи с анализом паремиологического фонда. Наиболее естественной является ассоциация ложки с едой, но процесс приема пищи противопоставлен работе: *работник из чашки ложкой* (тюмен.) / *лихие работнички у чашки с ложкой* «о плохих, ленивых, но любящих поесть работниках» (иркут.). Такая связь типична для народной культуры, при этом зависимость может быть прямой (*Кто как ест, тот так и работает*) и обратной (см. примеры выше). Ср. также: *Ешь — потей, работай — мерзни*.

В плане реализации синтагматики отметим, что глагол *хлебать*, наиболее типичный предикат в контекстах с существительным в инструментальной функции (*ложкой*), в сочетании с рядом существительных или субстантивированных прилагательных (*горе, горькое*) часто является метафорой тяжелой жизни. Напр.: *Похлебала я за всю жисть горя горького, до сих пор не могу расхлебать* (кург.).

Часто ложка выступает как гипероним для обозначения разных предметов посуды: *мыть ложки, ложки грязные* в значении «посуда вообще» в брянских говорах. Это же мы видим и пословицах: *Досужа кума ложки вымыла да во щи слила; Гости за гостями, а ложки не мыты*. Здесь обнаруживается переключка с тем фактом, что ложка, наряду с чашкой, миской, стаканом, может выступать эталоном минимума (чаще имущества или какого-нибудь вещества): *ни ложки ни чашки* (тюмен.) / *ни чашки ни ложки* (ср.-обск.); *кошке на ложку* (новг., пск.). Так, в «Словаре образных слов и выражений народного говора» читаем: *ни чашки ни ложки* «о крайней бедности, отсутствии самого необходимого в быту»: *Мы, два батрака, поженились — ни чашки, ни ложки*. Ср. также пословицу: *Коровушка с кошку, надоила с ложку*.

Нечто подобное можно усмотреть также во фразеологизмах литературного употребления *в ложке воды утопить* «по любому незначительному

А. Долгих. НАВАЖДЕНИЕ (СЕРИЯ «ДВОЕ»). 2011

поводу, по пустякам причинять большую неприятность кому-л.» и *через час по (чайной) ложке* «очень медленно и помалу». Здесь тоже представлен эталон минимума, однако он соотносится с абстрактными понятиями, а не с конкретными, как в говорах.

Характерно частое противопоставление ложки и бочки, отмеченное и в пословицах, эти предметы становятся эталонами минимума и максимума.

Ложка также символ начала (общего хозяйства семьи, приобретения имущества; возможно, связана с едой как ритуалом, объединяющим семью): *начинать наживать с ложки; с четырех ложек начинали* (тюмен.).

Как и в паремиях, ложка связана с образом человека жадного (*два горошка на ложку: Хотел два горошка на ложку, а ни одного не поймал*) (тюмен.), а также неблагодарного (*Ложкою кормит, а стиблом глаза колет* «о том, кто, делая кому-л. благодеяние, упрекает потом его в этом») (курск.).

Таким образом, обобщая имеющийся в нашем распоряжении материал, следует сказать, что образ ложки, представленный в трех вариантах (собственно этнографическом, пословичном и языковом), несколько дифференцируется, хотя имеет при этом и некоторые общие черты. Прежде всего, следует указать на такую общую особенность, как отнесение в представлениях народной культуры ложки к предметам посуды. Словари русского литературного языка, в частности МАС, дают нам иную картину. Ложка относится к столовым приборам, а посуда — это «хозяйственная утварь для приготовления и подачи в ней пищи, для хранения припасов» (т. 3, с. 327). Однако и в ритуалах (ломание, выкуп, гадание), и в паремиях, и в языковом (диалектном) дискурсе предметы посуды и ложка сближаются, что объясняется их применением. Так, часто объединены в составе биннома или устойчивого сочетания чашка и ложка, миска и ложка, плошка и

ложка и т. п. Более того, в говорах форма мн. числа — *ложки* выступает гиперонимом для обозначения предметов посуды. Как посуда, так и ложка в гендерном плане относятся к «женским» предметам.

Важной является и такая общая особенность, как связь ложки с человеком (возможно, ее хозяином), способность замещать его или использоваться для его характеристики. Наиболее близки между собой пословичный и языковой образы этого предмета, что вполне естественно, т. к. и паремии, и свободный диалектный дискурс — это проявление единой стихии. (Кроме того, ряд диалектных примеров также представляет собой языковые клише.) Некоторые константы народной культуры (связь процесса еды с процессом работы, традиции гостеприимства) также ярко отражены в пословицах и диалектной речи. Эталонность ложки, зафиксированная в паремиях, более широко реализуется в речи носителей говоров (не только эталон минимума, но и символ начала процесса приобретения имущества). В аксиологическом плане этот предмет характеризуется положительной оценкой и сравнительно высоким статусом. Значения ложки существенно различаются в зависимости от обрядового или языкового контекста. В обрядах и ритуалах максимально проявляется семантическая двунаправленность предмета, в этой сфере реализуются основные семиотические функции, названные нами выше; в пословицах или диалектной речи на первом плане находится семантика бытового употребления, а также характеризующая функция.

ИСТОЧНИКИ

1. Алексеенко М. А., Белоусова Т. П., Литвинникова О. И. Человек в русской диалектной фразеологии: словарь. М.: ООО «ИТИ ТЕХНОЛОГИИ», 2004.
2. Даль В. И. Пословицы русского народа. М.: Олма-пресс, 1997.
3. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: Русский язык, 1989.
4. Жуков В. П. Словарь русских пословиц и поговорок. М.: Русский язык, 2000.
5. Зимин В. И. Пословицы и поговорки русского народа: большой объяснительный словарь. М.: Цитадель, 2008.
6. Ивашко Л. А. Очерки русской диалектной фразеологии. Л.: Изд-во ЛГУ, 1981.
7. Лютикова В. Д. Словарь диалектной личности. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2000.
8. Лютикова В. Д. Языковая личность и идиолект. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 1999.
9. Подюков И. А., Хоробрых С. В., Антипов Д. А. Этнолингвистический словарь свадебной терминологии Северного Прикамья. Пермь: Пермское книжное издательство, 2004.
10. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь / под ред. В. М. Мокиенко. М.: Астрель: АСТ: Люкс, 2005.
11. Славянская мифология. Энциклопедический словарь. Изд. 2-е. М.: Международные отношения, 2011.
12. Славянские древности. Этнолингвистический словарь. Вып. 3. М.: Международные отношения, 2004.

13. Словарь образных слов и выражений народного говора / под ред. О. И. Блиновой. Томск, 1997.
14. Словарь русских народных говоров. Вып. 17. Л.: Наука, 1981.
15. У народа — как у праздника: словарь русской диалектной фразеологии / под ред. Т. А. Гридиной. Екатеринбург: Изд-во УрГПУ, 2012.
16. Фразеологический словарь русского языка / под ред. А. И. Молоткова. СПб.: «Вариант», 1994.
17. Записи диалектной речи, произведенные в селах юга Тюменской области.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Байбурин А. К. Ритуал в традиционной культуре. М.: Наука, 1993.
2. Банкова Т. Б. Диалектное слово: материальное и духовное содержание // Вестник Томского государственного университета. № 315. Филология. Томск: Изд-во Томского гос. ун-та, 2008. С. 7-10.
3. Березович Е. Л. Язык и традиционная культура. М.: Индрик, 2007.
4. Коновалова Н. И. Сакральный текст как лингвокультурный феномен. Екатеринбург: Изд-во УрГПУ, 2007.
5. Седов В. В. Восточные славяне в VI-XIII вв. М.: Наука, 1982.
6. Толстой Н. И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М.: Индрик, 1995.
7. Топорков А. Л. Символика и ритуальные функции предметов материальной культуры // Этнографическое изучение знаковых средств культуры. Л.: Наука, 1989. С. 89-101.
8. Чулкина Н. Л. Мир повседневности в языковом сознании русских: лингвокультурологическое описание. М.: Изд-во РУДН, 2004.

Мария
Алексеевна
РОМАНОВА

ИЗ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ г. ТЮМЕНИ

В статье делается попытка (с учетом внелингвистических факторов) показать, что русская речь первоначального населения Тюмени была диалектной и отражала фонетико-грамматические и лексические особенности «материнских» (севернорусских) говоров.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:

острог, город, посад, двор, житель, служилые люди, крестьяне, ямщики, речь, говор.

В последнее время в лингвистике разрабатывается вопрос о месте *наддиалектной формы*, включающей «структуры литературного языка и остаточные диалектные черты», в составе русского национального языка